

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Л. С. Крохалева
Минск, МГЛУ

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КАТЕГОРИАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается проблема типологического потенциала общетекстовых стилистических категорий информативности, субъективной модальности, диалогичности. В качестве непосредственного объекта анализа избраны описательные фрагменты художественной прозы, в которых исследуется специфика реализации категории информативности в одном из ее возможных вариантов – конкретизирующей содержательно-фактуальной информации. Выявлены языковые средства актуализации семантического параметра конкретизирующей фактуальности на лексическом и грамматическом уровнях.

Категориально-стилистический подход является в настоящее время одним из основных направлений в дискурсивно-стилевой парадигме исследования конкретных речевых разновидностей текста. Его появление и развитие стало логическим продолжением «процесса осознания недостаточности опоры на уровневую единицу стилистического анализа» [1, с. 96] и поиска универсальных обобщающих параметров, способных атрибутировать жанр/тип текста не только в функционально-стилевом, но и в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Для текстов, функционирующих в сфере научной коммуникации, в рамках данного направления уже разработан свой понятийный аппарат и в целом определен основной репертуар единиц анализа – т. н. *функциональных семантико-стилистических категорий* (оценки, авторизации, акцентности, гипотетичности, точности и др.), организуемых по принципу их целевого назначения и коммуникативно-прагматической специфики в конкретном жанре, иными словами – обладающих определенным текстотипологическим потенциалом (работы М. М. Кожиной, Е. А. Баженовой, Н. П. Котюровой, В. Е. Чернявской, Т. П. Карпилович).

Что касается категориально-стилистической трактовки художественных текстотипов, то она затруднена в связи с различными подходами, а также степенью разработанности обобщающих свойств, позиционируемых в качестве категорий художественно-речевого целого. В подавляющем большинстве постклассических исследований дифференциальные признаки текстов, функционирующих в сфере вербального искусства, выявляются в ходе изучения способов языковой экспликации традиционно описываемых общетекстовых категорий, структура содержания которых (т. н. *категориальных полей*) позволяет сместить фокус исследовательского внимания в сторону собственно коммуникативного аспекта. Это, прежде всего, *категория диалогичности*, трактуемая как универсальный функционально-стилевой параметр текста вообще (М. Н. Кожина [2]), а также *категории субъективной модальности и информативности*.

Так, интерпретация художественного текста с дискурсивно-диалогических позиций осуществляется на базе описания различных видов intersubjectных и интертекстовых/интердискурсивных диалогов, а также выявления языковых маркеров субкатегорий авторизации и адресованности, актуализирующих два основных компонента коммуникативной цепи – адресанта и адресата (Т. Ф. Плеханова, Н. В. Петрова, О. П. Воробьева, Е. А. Гончарова, Н. Л. Романова и др.).

В рамках набирающего силу лингвопоэтического направления в качестве единицы анализа используется исконно литературоведческая категория полифонии, разработанная в трудах М. М. Бахтина на основе художественно-речевого целого. При этом типы диалогических отношений исследуются как на собственно языковом, так и на композиционно-образном и тематическом уровнях, что помогает снять условные границы между лингвистическим и литературоведческим подходами в ходе широкого общефилологического толкования текста [3].

Что касается категории субъективной модальности, то данные, полученные в ходе сопоставительного исследования специфики реализации когнитивно-речевого субъекта в художественной, научной и медийной сферах, позволяют говорить о полисубъектной и, соответственно, полимодальной структуре художественного повествования в отличие от моносубъектных, не осложненных дополнительными модальными обертонами структур авторской речи в медийном и научном дискурсах [4; 5; 6; 7].

Категория информативности в ряду дискурсивно-стилистических категорий исследована достаточно фрагментарно, что объясняется, на наш взгляд, недостаточной разработанностью самой проблематики дискурсивных/коммуникативных категорий как единиц анализа художественного текста (подробный анализ проблем дискурсологии и описание репертуара «научных» коммуникативных категорий см. в монографии Т. П. Карпилович [8]), условностью границ между ними, качественной неоднородностью текстовой информации, её осложнённости многочисленными факторами коммуникативно-дискурсивного характера, важнейшим из которых является субъективно-авторское преломление объективной действительности.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные со спецификой языковой экспликации смыслового поля стилистико-текстовой категории информативности, реализуемой в описательных контекстах художественного прозаического произведения.

Описательные контексты (термин И. Р. Гальперина) выбраны в качестве объекта типологического изучения по причине их внесюжетного, факультативного характера в художественном повествовании, а также наличия подобного рода единств в композиционно-смысловой структуре основных научных жанров (презентация эмпирического материала, вневременное статичное изображение научного объекта, факта или явления), что делает возможным проведение необходимых параллелей в плане выявления их дифференциальных признаков в двух полярных коммуникативных практиках. При этом важно отметить, что, по мнению ряда исследователей, установление инвариантных категориальных черт конкретного текстотипа возможно и по результатам анализа его отдельного сегмента, ибо «и тексту целого произведения, и его отдельному фрагменту присущи одни и те же свойства» [1, с. 97].

Общепринятым является положение, согласно которому содержательное поле художественно-речевого целого гетерогенно и представлено тремя видами информации: собственно фактуальной, подтекстовой и концептуальной [9]. При этом именно *признак фактуальности*, определяемый для описательного контекста как свойство, отражающее его денотативную соотнесенность с некоторым сегментом внеязыковой ситуации, является инвариантным компонентом структуры фактуального содержания текста в любой коммуникативной сфере. Важно подчеркнуть, что *фактуальность информации* отражает денотативную, а не предметную отнесенность контекста. Так, в качестве объекта описания как в научной, так и в художественной прозе может выступать один и тот же факт, предмет или явление, однако мыслятся они с различной степенью конкретности. В научной речи описательный контекст обычно денотативно ориентирован на объект, изображаемый в качестве типичного представителя определенного класса предметов, явлений, типовых ситуаций, в чем проявляется специфика научно-познавательной деятельности субъекта, стремящегося объединить некий набор сведений и фактов в определенную упорядоченную систему. В художественной речи, напротив, развитие содержания идет, как правило, по линии акцентирования конкретных признаков изображаемого объекта, связанных со зрительным, слуховым восприятием, эмоциональным состоянием художника слова, в результате чего достигается индивидуализация объекта, выделение его из класса ему подобных. Фактуальность информации, реализуемой на данном текстовом пространстве, может быть терминирована, таким образом, как *конкретизирующая фактуальность*.

На поверхностном уровне конкретизация денотата в художественном описании достигается целым рядом средств обозначения как самого объекта, так и его признаков. Так, одним из способов конкретизации объекта является его обозначение сочетанием существительного с лексическими единицами, способными создать индивидуализирующий языковой контекст: указательными и притяжательными местоимениями, именами собственными в притяжательном падеже, оценочными прилагательными. Например: *This solitary passenger was a man of medium height but of massive built, square and bulky about the shoulders, and thick-chested* [10, p. 10]. В приведенном примере единичность именованного достигается за счет индивидуализации признаков, имплицитно присутствующих в существительных, соответствующим языковым окружением: сочетанием абстрактных признаков с конкретными, выраженными атрибутами *solitary, massive, square and bulky*.

На уровне предложения конкретизирующая номинация объекта описания находит свою экспликацию в формах предиката вводящих высказываний. Так, выраженность именной части сказуемого прилагательным, основной функцией которого является денотативная, связанная с указанием на качество или другой признак предмета или события, как правило, является показателем того, что в контексте описывается единичный объект. Например: *The walls and ceiling of the room were perfectly black with age and dirt* [11, p. 97]. *The wood was silent, still and secret in the evening drizzle of rain ...* [12, p. 111].

Особенности фактуального содержания художественного описания, его соотнесенность с конкретным, единичным объектом эксплицируются также средствами языкового воплощения признаков, приписываемых объекту

изображения. К ним относятся прилагательные оценочной семантики, передающие не собственные свойства объекта, а признаки, отражающие определенное отношение субъекта к предмету. Например: *What they saw was a girl of twenty-seven or twenty-eight, or even twenty-nine, with dark bobbed hair, decided eyebrows, a smouldering eye, a jutting nose, a mouth that was a discontented crimson curve, and a firm round chin. She was not pretty ...* [10, p. 31].

В приведенном фрагменте наряду с прилагательными, выражающими объективные признаки описываемого персонажа: *dark, bobbed, round, jutting*, присутствует группа слов, соотношенная с прагматическим аспектом высказывания. Прилагательные *decided, smouldering, firm, good, pretty*, обозначая признаки в определенном смысле «внешние» по отношению к объекту описания, выступают в роли дополнительных определителей и тем самым способствуют спецификации объекта.

Различные способы квалификации прилагательных, выражающих признаки объекта изображения, также служат целям конкретизации содержания художественного описания. Приведем примеры: *On one side of the road rose a high rough bank, where hazels and stunted oaks with their roots half-exposed, held uncertain tenure. The soil was too loose for the latter and strong winds had blown some nearly horizontal* [13, p. 239]. *His pointed short beard, so well trimmed, seemed to give him the status of a pillar of society ... And he was exceedingly neat* [14, p. 28]. Наречия-интенсификаторы *too, nearly, exceedingly*, усиливая степень проявления качества у некоторых объектов, тем самым вскрывают их конкретность, связанную с оценочным отношением субъекта восприятия.

Индивидуализирующую функцию в художественном описании выполняют и различные образные стилистические приемы: метафоры, сравнения, метафорические эпитеты. Эта способность названных лексических стилистических средств конкретизировать объект изображения связана с субъективностью лежащего в их основе образа, определяемой индивидуальностью ощущения и восприятия каждого отдельного субъекта. Например: *Down by the dell-hole, more vivid colours were awakening, and Lent lilies stood sentinel on its margin, or advanced in battalions over the grass. Tulips were a tray of jewels* [15, p. 197].

Конкретизация объекта субъектом восприятия предполагает, помимо приписывания ему «дополнительных» признаков, связанных с особенностями видения предмета, способность автора отмечать наряду с существенными и признаки несущественные, второстепенные. Возможности, которыми располагает художественное описание для выражения временного, окказионального характера признаков объекта, достаточно многообразны. Это, прежде всего, особая семантическая группа прилагательных, способных обозначать признаки, ограниченные во времени, т. н. *пространственно-временных конкретизаторов* (термин Е. А. Рейман) – *now, this time, here, there, to the right, to the left*, а также т. н. *сигналы прединформации* (термин З. Я. Тураевой), к которым относятся лексические единицы типа *again, still, already*, имплицитные своей семантикой тот факт, что настоящее состояние объекта представляет собой результат некоторых действий, происшедших к моменту сообщения. Проиллюстрируем сказанное следующим примером: *To the west the mountains were already a flat silhouette against the evening sky, but in front of him to the north the upper slopes were still alive with light and shadow* [16, p. 7].

Идея качественного состояния и, следовательно, действительности признака для определенной временной/пространственной ситуации, может быть передана и морфологическими средствами языка: с помощью форм степеней сравнения прилагательных, причастием II в составе залоговых и перфектных форм глаголов-сказуемых. Например: *In the heart of this cluster of huts stood a large building, formerly used as a manufactory of some kind. It had, in its day, probably furnished employment to the inhabitants of the surrounding tenements, but it had long since gone to ruin. The rat, the worm, and the action of the damp, had weakened and rotted the piles on which it stood; and a considerable portion of the building had already sunk down into the water* [11, p. 371].

Очевидно, что в соответствии с ядерно-периферийным принципом организации категориальных полей выявленные маркеры конкретизации фактуального содержания не относятся к ядру поля информативности. Вместе с тем в совокупности с другими разноуровневыми языковыми единицами они могут служить цели типологической идентификации художественных текстов на уровне их контекстного структурирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котюрова, М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М. П. Котюрова. – 2-е изд. испр. – М.: Издат. центр «Академия», 2012. – 240 с.
2. Кожина, М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях / М. Н. Кожина // Филологические науки. – 1984. - №2. – С. 35–41.
3. Морозова, А. Н. Полифония слова и текста (James Joyce's Dubliners): монография / А. Н. Морозова, Т. Г. Никитина, А. С. Сидоренко: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. – Самара: СГСПУ, 2016. – 180 с.
4. Пелевина, Н. Н. Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации: на материале немецкого языка: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.04 / Н. Н. Пелевина. – СПб., 2009. – 51 с.
5. Солганик, Г. Я. О структуре художественной речи в сопоставлении с публицистической / Г. Я. Солганик // Медиалингвистика. – 2015. – №1(6). – С. 34–39.
6. Плеханова, Т. Ф. Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – Минск: МГЛУ, 2003. – 251 с.
7. Петрова, Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. / Н. В. Петрова. – Волгоград. 2005. – 18 с.
8. Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск: МГЛУ, 2018. – 160 с.
9. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 3-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 139 с.
10. Priestley, J. B. Angel Pavement / J. B. Priestley. – М.: Progress Publishers, 1974. – 504 p.
11. Dickens, Ch. The Adventures of Oliver Twist / Ch. Dickens. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1955. – 551 p.
12. Lawrence, D. H. Lady Chatterley's Lover / D. H. Lawrence. – New York: The New American Library, 1957. – 260 p.
13. Bronte, Ch. Shirley / Ch. Bronte. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1956. – 667 p.
14. Bennet, A. The Card / A. Bennet. – L.: Penguin Books, 1976. – 219 p.
15. Forster, E. M. Howards End / E. M. Forster. – L.: The King Fisher Library, 1977. – 280 p.
16. Huxley, A. After Many a Summer / A. Huxley. – London: Granada Publishing, 1976. – 254 p.

The article deals with the problem of the typological potential of text-stylistic categories. The analysis conducted revealed a set of language means conveying the specific character of realization of factual information in the descriptive passages of literary texts.